

Максим

«...Играли Шекспир и я»

В тридцатых—сороковых годах прошлого века служил в московском Малом театре актер Максим, на амплуа «теней и драбанто» — было такое. Коронной его ролью была тень отца Гамлета, в которой он пользовался колоссальным успехом. О ней Максим с гордостью говорил: «Тень отца Гамлета играли Шекспир и я».

С особым возделением публика ждала заключительную фразу огромного монолога тени: «Прощай, прощай и помни обо мне!». Дело же все в том, что у Максима был умопомрачительный, сверхчеловеческой силы и мощи бас. Первое «прощай!» буквально оглушало зал. После паузы шло второе «прощай!» — октавой ниже. А когда — еще октавой ниже! — разносилось третье «прощай!» и за ним — «и... пом... ни... о... бо... мне!», казалось, что в Малом театре гудит большой колокол Ивана Великого...

Максим пожинал лавры, играя тень с П. С. Мочаловым, К. Н. Полтавцевым. А вот во

время московских гастролей В. А. Каратыгина произошел с ним конфуз.

На репетиции, закончив свой дикий рев, Максим, как обычно, стукнул каблуком об пол, давая тем знак рабочим, чтобы опускали люк.

— Помилуйте, господин режиссер, — вскричал, вскакивая с колена, Гамлет—Каратыгин, — где ж это видано, чтобы тень лягалась?! Вы должны следить за пьесой и, когда подходят последние слова монолога, давайте знак опустить люк. А вы, господин Максим, не дергайте ногой — и без вас знают, когда вас нужно опустить...

Приходит час спектакля. Максим «в голосе»: от его страшных раскатов Каратыгин только в ужасе закрывается рукой. Грохочет первое «прощай!», и — что же это такое?! — люк начинает медленно опускаться. Теперь ужас обуял уже Максима — весь эффект смят! Но антерский долг свой он исполнил до конца. Из почти опустившегося люка до зрителей все-таки долетела скороговорка: «Прощай, прощай и помни обо мне...»

На другой день Максим заболел.